

Большее распространение каннибализма у неандертальцев (и признание его закономерного характера на этой стадии) объясняется тем, что помимо экологических причин начали действовать совершенно новые, социальные причины, вызывающие его. Распространение каннибализма на этой стадии, вероятно, было связано с зарождением обрядов, магических ритуалов, традиций.

Явления каннибализма у приматов и ископаемых гоминид, по всей вероятности, имеют различные корни. Не существует, очевидно, и тесной связи между каннибализмом, хищничеством и агрессивным поведением.

Мы полагаем, что теории возникновения каннибализма у протогоминид и гоминид как следствие хищничества и повышенной агрессивности можно признать несостоятельными.

Модели группового образа жизни протогоминид. Изучая общие тенденции развития и роль агрессивного поведения у приматов, мы высказали ряд предположений о месте этого поведения в групповом поведении протогоминид. Так, по всей видимости, по аналогии с современными приматами можно предположить, что протогоминиды активно не защищали свою территорию. Плотность популяции протогоминид была относительно низка. Протогоминиды, вероятно, хорошо знали границы своей территории, которая у них была значительно большего размера, чем у современных приматов (вследствие увеличения доли потребления мясной пищи). Они, по мнению В. В. Бунака⁸⁵, не охраняли строго границ своих участков, которые могли перекрываться; вполне вероятно, протогоминиды узнавали своих соседей, как, например, современные павианы, макаки, шимпанзе⁸⁶. Территориальная теория агрессии, по-видимому, несостоятельна применительно к протогоминидам.

Четкая связь между половым поведением и агрессией отсутствует уже у приматов, поэтому представление об исключительной агрессивности протогоминид вследствие борьбы за самку, видимо, не имеет достаточных оснований.

В ходе эволюции приматов прослеживается общая тенденция — отбор на ликвидацию контактных форм агрессивного межгруппового и внутригруппового поведения. При этом все возрастающее значение приобретают разные формы зрительной и слуховой коммуникации, используемые в качестве агрессивных предупредительных элементов. По-видимому, у протогоминид эти предупредительные элементы достигали еще большего разнообразия. Уровень агрессии в разных группах одного вида приматов сильно варьирует у мартышек, павианов, макаков, шимпанзе⁸⁷. Подобные явления могли иметь место и у протогоминид. Группы с более низкой агрессивностью, как отмечает Я. Я. Рогинский⁸⁸, оказывались в более выгодном положении, поскольку у них лучше развивалась забота о детях, слабых и больных. Вероятнее всего, взаимоотношения между группами древнейших гоминид одного вида регулировались вполне мирным путем — в целом отбор шел на снижение агрессивности⁸⁹.

Подводя итог изложенному, можно высказать следующие предположения. У протогоминид и ранних гоминид, по-видимому, дальнейшее развитие получили общие тенденции эволюции приматов: шел отбор на устранение контактных форм внутригрупповой агрессии и усиление механизмов, тормозящих агрессивное поведение. Можно считать доказанным, что внутреннее стремление к агрессии не было врожденным у протогоминид, так же как его нет и у приматов. Роль же генетических предпосылок агрессивного поведения, выраженных в виде тенденций, вероятно, в процессе эволюции снижалась. В процессе эволюции повышалась роль экологических и социальных факторов, влияющих на проявление агрессивного поведения при возрастающей роли научения.

⁸⁵ Бунак В. В. Указ. раб., с. 152.

⁸⁶ Ван Лавик-Гудолл Д. В тени человека. М.: Мир, 1974.

⁸⁷ Washburn S. L., Hamburg D. A. Op. cit.

⁸⁸ Рогинский Я. Я. Указ. раб.

⁸⁹ Eibl-Eibesfeldt I. Ontogenetic and Maturational Studies of Aggressive Behaviour. — Univ. California Forum Medical Sciences, 1967, v. 7, p. 54—94.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

The Family and Its Culture. An Investigation in Seven East and West European Countries. For the European Coordination Center for Research and Documentation in Social Science. Budapest: Akademiai Kiado, 1984, 496 p.

Беспрецедентно быстрые темпы научно-технического и общественного развития, усиление воздействия человека на окружающую среду предъявляют новые требования к его культуре как универсальному адаптивному механизму современного общества. Одно из них состоит в уменьшении диспропорций в развитии отдельных частей и элементов культуры, препятствующих ее интеграции в единое целое, и прежде всего в повышении эффективности социорегулятивной подсистемы культуры. Иными словами, арсенал (фонд) человеческой культуры сегодня настолько богат, что позволяет в принципе решать самые злободневные задачи, стоящие перед человечеством, но прак-

тическое использование этого богатства явно не соответствует его потенциальным возможностям. В связи с этим чрезвычайно актуальным становится исследование всех аспектов взаимоотношений человека и культуры, в частности изучение роли различных социальных институтов в формировании культурного облика современного человека. Работы, целенаправленно раскрывающие эту проблему, сравнительно немногочисленны, и уже одно это обстоятельство делает появление книги «Семья и ее культура»¹ заметным событием в научной жизни.

Понять и правильно оценить значение рецензируемой книги невозможно без ознакомления с историей ее создания, начало которой относится к 1976 г., когда под руководством академиков Ю. В. Бромлея и В. А. Виноградова в Москве состоялось первое совещание потенциальных участников проекта «Направление и тенденции культурного развития в современном обществе: взаимодействие национальных культур», предложенного Ю. В. Арутюняном. На этой встрече присутствовали представители 14 социалистических и капиталистических стран Европы и официальные лица из Европейского центра по координации научных исследований и документации в области социальных наук², в рамках которого предполагалось осуществлять проект.

Это совещание во многом предопределило направление и характер исследования. В первоначальном варианте намечалось изучение культурных изменений в широком социальном контексте, в их связи с характеристиками социальной структуры, условиями труда, социально-демографическими параметрами семьи и т. д. Понятие «культура» употреблялось также в широком смысле и раскрывалось через такие параметры, как образовательный уровень, ценностные ориентации, поведение в различных сферах потребления культуры и культурной деятельности (с. 1).

Отдав должное достоинствам предложенной программы, большинство участников совещания тем не менее высказалось за более узкий подход, за конкретизацию объекта исследования в первую очередь по причинам финансового и организационного характера. После длительного обсуждения в качестве объекта исследования была выбрана семья. Таким образом, хотя общей целью проекта осталось изучение «направления и тенденций культурного развития в современном обществе», проблема эмпирического исследования, которое предполагалось провести в каждой из участвующих в проекте стран, приобрела следующее звучание: «Культурная деятельность в рамках семьи и трансмиссия культуры» (с. 1).

Это изменение, или, точнее, дополнение, внесло коррективы в первоначальные планы и привело к возникновению ряда новых проблем, что увеличило сроки работы над проектом и сузило круг желающих принять в ней участие.

Понадобилось довольно много времени для создания единого представления о предмете исследования, выработки методики и согласования плана работы. Основные трудности на этом этапе возникали как из-за сложности научных проблем, так и из-за вынужденно неоперативного решения организационных вопросов. Дело в том, что сравнительные исследования, проводимые под эгидой Венского центра, осуществляются международным коллективом ученых, члены которого работают в известном смысле автономно в своих странах и координируют действия посредством переписки через представителей Венского центра и эпизодических кратковременных встреч (в нашем случае в среднем 2 раза в год). Эта ситуация принципиально отличается от практики проведения сравнительных исследований единым (пусть даже интернациональным) коллективом на территории всех охватываемых исследованием стран и, безусловно, требует значительных дополнительных затрат времени. Следует также отметить, что проект «Культура» был пионерским в том смысле, что Венский центр впервые предпринял попытку провести эмпирические исследования с общими принципами выборки и по единой методике.

Учитывая отмеченные выше трудности, можно считать несомненным успехом, что в связи с четким решением всех вопросов уже в апреле 1977 г. на очередном совещании в Будапеште появилась реальная возможность для начала содержательной работы.

В полевой работе «Культурная деятельность в рамках семьи и трансмиссия культуры» предполагалось использовать как минимум три параметра: 1) научно-техническая революция (НТР), профессиональная структура, бытовая техника, общественное обслуживание, средства массовой коммуникации; 2) культура, искусство и литература, знания и убеждения, моральное и социальное поведение; 3) семья, распределение ролей, равенство — неравенство, сплоченность. Главной целью было установить взаимосвязи между этими тремя параметрами. Основным источником информации должны были стать материалы опроса населения, для чего были разработаны две взаимосвязанные анкеты: одна для опроса взрослых, другая для интервьюирования подростков (с. 451—496). Идентичные опросные листы для всех участников исследования должны были способствовать межгосударственной сравнимости используемых данных. Был согласован также минимум квот населения, подлежащего опросу в поселениях, разных по степени урбанизации. Соответственно выделялись три категории

¹ Ссылки на эту книгу даются в тексте с указанием страниц.

² Европейский центр по координации научных исследований и документации в области социальных наук, иначе называемый Венским центром, — международная неправительственная организация при ЮНЕСКО, субсидируемая академиями наук стран — членом этого центра. Одной из его целей является проведение сравнительных международных исследований по широкой социальной, экономической, культурной проблематике.

поселений: развитые современные города; поселения сельского типа, где подавляющее число жителей занимается сельским хозяйством, промежуточные между городскими и сельскими, так называемые поселения переходного типа. В каждом из этих типов с помощью случайной выборки выделялись для опроса как минимум 200 семей, в состав которых обязательно входили дети подросткового возраста — от 12 до 17 лет. В каждой семье опрашивались мать, подросток, и по крайней мере в одной из четырех — отец. Таким образом, опросу подлежали как минимум 600 матерей, 600 детей и 150 отцов, т. е. по каждой стране, участвующей в исследовании, должно было быть реализовано по меньшей мере 1350 анкет (с. 4)³.

Предполагалось использование и других методов получения информации: фокусированного интервью, включенного наблюдения и т. д. После апробации в пилотажном исследовании весь имеющийся арсенал методических средств подлежал окончательной корректировке для последующего использования в основном эмпирическом исследовании.

Параллельно с эмпирической частью проекта разрабатывались и его теоретические основы. На специальных симпозиумах были обсуждены проблемы «Культура и социальная структура»⁴, «Традиции и инновации в семье», «Типология семьи».

Как уже говорилось, участники исследования от каждой страны должны были самостоятельно решать все перечисленные выше задачи. Перед советской группой встала прежде всего проблема выбора конкретного объекта исследования, что в условиях национального и регионального разнообразия СССР было непростой задачей. Учитывая европейский характер исследования, необходимость достаточно высокой степени урбанизации, компактности расселения, советские ученые решили остановить выбор на Эстонской ССР, тем более что в 1975 г. здесь уже проводилось обследование по программе «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР».

С этого момента в работу над проектом «Культура» активно включилась группа сотрудников Института истории АН ЭССР под руководством акад. АН ЭССР Ю. Ю. Кахка и канд. ист. наук Э. Э. Ранника. В начале 1978 г. в Таллине состоялась встреча участников исследования из разных стран для обсуждения результатов пилотажа. Советские ученые приложили много усилий, чтобы обосновать пригодность использованных методических средств, принципов выборки, целесообразность продолжения исследования. После этого совещания окончательно определился состав стран — участниц исследования: Венгрия, Греция, Италия, Польша, Румыния, СССР и Франция.

Исследование проводилось по намеченной программе, но, поскольку выборка была не во всех случаях репрезентативна для страны в целом, результаты эмпирического исследования дополнялись анализом конкретных социальных, культурных, демографических изменений начиная с послевоенного 1945 года, для чего использовались статистические и литературные данные, материалы ранее проводившихся исследований и другие источники информации. Таким образом был создан контекст, в который органически вписались результаты эмпирического исследования семьи. Итогом работы над проектом «Культура» и является рецензируемая книга, содержащая введение, семь разделов (по числу стран) и приложение⁵. Во введении изложены цели исследования и его методологические и методические принципы; каждый из разделов написан по более или менее одинаковой схеме для облегчения сопоставления приводимых материалов; в приложении даны образцы анкет, использованных для опроса респондентов.

В связи с тем что, по-видимому, далеко не всем заинтересованным лицам удастся непосредственно ознакомиться с книгой, попытаемся, насколько это возможно, дать представление о ее содержании. Прежде всего привлекает внимание то обстоятельство, что, хотя исследование задумывалось и осуществлялось как сравнительное и для обеспечения сравнимости данных было сделано очень многое, сравнительный анализ материалов в книге в явном виде отсутствует. Как видно из подзаголовка «Исследование в семи восточных и западных европейских странах», это было сделано вполне сознательно и свидетельствует о научной добросовестности авторов книги.

В первой части введения (Введение: некоторые основные черты проекта) Ю. В. Арутюнян отмечает, что внешнее сходство индикаторов, использованных в анкете, например уровня образования, профессии, показателей уровня жизни, отнюдь не означает их одинаковой значимости для стран, участвовавших в исследовании (с. 5). К тому же даже идентичные принципы выборки выделяют далеко не однородные и не вполне сравнимые группы. Внешнее сходство индикаторов не гарантирует и идентичности полученных данных. Например, при формально одинаковом уровне образования реальное образование может быть различным в зависимости от очень многих условий и обстоятельств; одинаковая интенсивность потребления культуры через средства массовой коммуникации ничего не говорит о социальной направленности и содержании информации, передаваемой ими. Автор второй части введения (Введение: теоретические языки и расшифровка данных), Ж. Кюзень, предостерегает от ошибок,

³ В действительности эти нормы были почти повсюду перевыполнены: в СССР было обследовано не 150, а 600 отцов, во Франции — не 600, а 1100 семей и т. д.

⁴ Этот симпозиум назывался «Культурные параметры социальной структуры и их динамика в условиях научно-технической революции».

⁵ Советский раздел книги — «Советские нации и потребление культуры в семье» написан Ю. Арутюняном, Л. Дробижевой, И. Эрме, М. Ярве, Ю. Кахком, А. Келамом, Т. Китвелем, Э. Ранником.

которые могут возникнуть вследствие поверхностно понимаемого сравнительного анализа. Он обращает внимание на различие теоретических языков, используемых в каждом из разделов книги, и, в частности, на различную семантику одинаково звучащих понятий (с. 7). Значение культурных явлений невозможно понять вне широкого культурного и социального контекста, и поэтому, чтобы избежать поверхностных аналогий, была избрана форма представления данных в виде национальных отчетов. В то же время, чтобы эти отчеты не превратились в несвязанный набор написанных по единому плану исследований о передаче и сохранении культурных традиций в рамках семьи, варианты ответов на вопросы анкеты предусматривали особенности каждой национальной культуры.

Каждый отчет начинается с изложения основных теоретических положений и общего описания демографических, экономических, социальных и культурных процессов в стране, что создает фон для последующего анализа культурной жизни семьи. Основу этой части составляют статистические данные и результаты ранее проведенных исследований. Большое внимание уделяется изменениям в социальной структуре, уровне образования, культурном развитии людей (чтение литературы, просмотр телепередач, посещение театров и т. д.), а также социокультурным трансформациям в семье.

В каждом национальном отчете имеется раздел, посвященный описанию техники выборки, способам обработки данных и другим методическим вопросам.

Основное место в отчетах занимает анализ эмпирических данных, полученных в результате исследования. Материал, поданный в различной форме, сконцентрирован вокруг одних и тех же проблем: культурная деятельность в рамках семьи, передача культуры в семье (родители — дети). Как правило, в каждом отчете имеется раздел, отражающий специфические интересы исследователей: внутрисемейная ролевая структура (Греция), типология семей и формы их культурного поведения (Венгрия) и т. д.

Все ученые констатируют непрерывные изменения семьи, как и других общественных институтов. При этом отмечается, что не существует «линейного» изменения от традиционных форм к современным через некоторое промежуточное состояние. Несмотря на общую тенденцию к гомогенизации культурной жизни семьи, этот процесс протекает по-разному в странах, принадлежащих к различным общественно-политическим системам, в разных типах поселений, различных социально-профессиональных группах.

Французские исследователи, учитывая многообразие форм культурной активности (посещение театров, концертов, музеев, занятия спортом, любительские занятия, чтение книг и т. д.), ранжировали всех респондентов в соответствии со степенью их участия в культуре. Обнаружилось, что наиболее активны высокопоставленные служащие и интеллигенция свободных профессий, проживающие в крупных городах. На последнем месте оказались фермеры и сельские рабочие аграрных районов. В середине шкалы расположились должностные лица средних ступеней, служащие, мелкие торговцы и рабочие «переходных» населенных пунктов (малые и средние города, поселки городского типа — с. 46). По мнению итальянских исследователей, специфически «элитарная», или «книжная», культура прочно связана с интеллигенцией, и она прежде всего характерна для крупных городов (с. 238). Люди, которые читают больше книг, чаще посещают кино, театры, выставки и концерты. Обсуждаемые в семейном кругу вопросы нередко связаны с культурой. Принимая все это во внимание, итальянские исследователи проводят четкую грань между потреблением культуры городскими и сельскими жителями. По греческим данным, барьер между элитарной и массовой культурой все еще не разрушен (с. 112). Культура «высшего» уровня чужда большинству деревенских семей и городским семьям, принадлежащим к нижним социально-экономическим слоям. В то же время констатируется, что посредством личной коммуникации и через каналы массовой информации образцы мелкобуржуазной культурной жизни распространяются по всей стране; немаловажную роль в этом играет также государственная культурная и образовательная политика, способствующая достижению культурной гомогенности. В целом, по мнению греческих ученых, за исключением некоторых специфических случаев, образование, профессия и даже место жительства имеют очень небольшое значение для объяснения поведения различных групп (с. 143).

Известная поляризация культуры, обусловленная различиями в материальном положении людей, их неодинаковым образовательным и культурным уровнем, местом жительства, существует и в социалистических странах. Крупные города, в которых сосредоточено большинство культурных учреждений, по-прежнему остаются центрами наиболее интенсивной культурной жизни. Тем не менее культурные различия, обусловленные социальным положением людей и их местом жительства, становятся менее контрастными, и проглядывается тенденция выравнивания культурных уровней различных групп населения.

По данным венгерских исследователей, самый высокий уровень культурной активности и наибольшую широту культурных интересов обнаружила интеллигенция Будапешта (40—60% лиц являются частыми посетителями различных культурных учреждений). Близи к ней по этим показателям представители интеллигенции средних и малых городов. Для рабочих (как городских, так и сельских) характерны другие показатели культурной активности, но в этой группе широко распространена «открытая», таящая в себе возможности развития модель поведения: почти по всем видам и жанрам культуры встречается как средний, так и высокий уровень интереса. Выявлено очень мало людей с абсолютно отрицательным отношением к тем или иным культурным видам и жанрам (с. 183—186).

В Польше одним из наиболее значимых факторов, определяющих культурную активность людей, является место проживания — город или деревня. Тем не менее в культурной активности членов крестьянских семей много общих черт с членами семей рабочих, а у последних — с семьями работников, занятых в сфере обслуживания. Как и в других странах, наибольшей культурной активностью отличается польская городская интеллигенция (с. 333—335).

Отмеченные для других стран различия в потреблении культуры разными группами населения существуют и в Эстонской ССР, но в менее резкой (по крайней мере по сравнению с капиталистическими странами) форме. Жители села чаще смотрят телевизор, слушают радио, реже посещают театры, концерты, музеи, чем горожане. Наблюдается и некоторое несовпадение культурных интересов. Продолжают сохраняться различия между социально-профессиональными, образовательными и другими группами населения. Поскольку советский читатель может обратиться для ознакомления с проблемами потребления культуры в СССР и к другим источникам, мы не будем более подробно рассматривать содержание этой части советского раздела книги.

Перейдем к краткому обзору проблем передачи культуры и роли семьи в этом процессе. Понятие «молодежная субкультура» начало входить в научный обиход в 60-е годы; оно отражало преходящую культурную специфику определенной возрастной группы. Огромное влияние на облик этой культуры оказывает «массовая культура», некоторые формы которой предназначены непосредственно для молодежи, тогда как в научной традиции семья рассматривалась как противостоящая молодежной субкультуре. Если первое, действительно, имеет место, то отношение семьи к молодежной субкультуре несколько сложнее.

В капиталистических странах массовая культура (т. е. те элементы культуры, которые адресованы широким народным массам, но попадают в нее извне) одинаково охватывает молодежь почти всех социальных групп, хотя обнаруживаются и некоторые исключения: высокопоставленные служащие и художественная интеллигенция, с одной стороны, сельскохозяйственные рабочие — с другой. Действительно, если «нижайший уровень охвата», т. е. отчетливо выраженный интерес по меньшей мере к одному из таких художественных жанров, как музыка варьете, песни, легкая комедия и т. п., во всех прочих группах в общем колеблется между 45 и 50%, то среди высших классов он падает до 38, а среди сельских батраков поднимается до 62%. Здесь отчетливо обнаруживается социальное расслоение (с. 49).

Одновременно французские исследователи отмечают, что подобные социальные различия вовсе не свидетельствуют о том, что молодежь, вышедшая из семей высших классов, на самом деле глубже и серьезнее увлекается, например, классической музыкой, чем выходцы из рабочих семей (доля носителей большого и серьезного интереса к ней среди молодежи обеих групп низка — соответственно 13 и 7%). Однако под влиянием традиционных представлений о классической музыке, обусловленных социальной средой, семейным окружением и различиями в возможностях общения к музыке этого жанра, удельный вес совершенно безразличных к классической музыке составляет среди молодежи высокопоставленных семей и рабочей молодежи соответственно 34 и 67% (с. 50).

Аналогичные факты наблюдаются и в социалистических странах. Именно дети городской интеллигенции, по мнению венгерских исследователей, проявляют наибольший интерес к классической музыке по сравнению с молодежью из других социально-профессиональных групп. То же самое можно сказать об отношении к изобразительному искусству, гуманитарным наукам и художественной самодеятельности. По сравнению с детьми из интеллигентных семей соответствующие интересы и увлечения детей служащих, рабочих, крестьян значительно меньше.

Поскольку в качестве иллюстрации мы взяли музыкальные интересы, рассмотрим этот пример. Музыкальные предпочтения родителей и детей весьма существенно различаются. По советским данным (Эстонская ССР), молодежь предпочитает в первую очередь модернистскую поп-музыку (81—82% опрошенной молодежи); среди людей старшего поколения интерес к ней (причем весьма слабый) проявляют лишь 34%, и совершенно безразличны 40% опрошенных. Предпочтительными жанрами у людей старшего поколения являются легкая музыка, а также народная музыка как в традиционной, так и в современной интерпретации. Обнаружился и факт неустойчивости интересов молодежи (на основании ответов родителей на ретроспективные вопросы и сопоставления музыкальных интересов с возрастом детей). По мере взросления молодежи интерес к классической музыке возрастает (интерес к ней проявляют 9% 12—14-летних детей и 25% среди 15—17-летних юношей и девушек). Эволюцию культурных интересов молодежи отмечают венгерские исследователи, говоря, что часть молодых людей «создала уже собственные семьи и проводит в жизнь идеалы своих родителей — идеалы, от которых, как им казалось, они в свое время отмежевались» (с. 170).

На уровне реализации культурных интересов различия значительно слабее. И родители, и дети одинаково интенсивно посещают концерты. На концертах варьете и эстрады часто бывают половина опрошенных родителей и две трети детей, а на концертах классической музыки — примерно одна треть как родителей, так и детей. При этом обнаружилась интересная деталь: если среди родителей в городе удельный вес посетителей концертов классической музыки в 3 раза выше, чем в деревне, то среди молодежи это различие резко сократилось.

Обобщив все данные, характеризующие культурную деятельность и вкусы, проведение свободного времени, внутрисемейное разделение труда и общий образ жизни людей, относящихся к различным социально-профессиональным группам и проживающих в разного типа населенных пунктах, венгерские исследователи пришли к выводу, ко-

торый можно распространить на все социалистические страны: «Как можно видеть, картина стала более гомогенной во всех аспектах, и это обусловлено тем, что одна и та же база служит основой как образа жизни, так и культурного поведения». Отмечается, что отношение людей к культуре может складываться «в более богатом, или напротив, обедненном виде, в лучшем или худшем качестве, но направление развития остается более или менее линейным» (с. 182).

Заканчивая этот неизбежно краткий обзор содержания книги, отметим, что кроме реального поведения, описываемого с помощью показателей интенсивности той или иной культурной активности, а иногда и содержательных характеристик, фиксировались также и ценностные ориентации респондентов по отношению к некоторым жизненно важным проблемам, рассматривалось влияние различных внутрисемейных способов передачи культуры (совместное посещение членами семьи культурных учреждений, внутрисемейные контакты и т. п.) на культурное развитие детей.

Представление о рецензируемой книге будет искаженным, если не отметить, что в ней отражена лишь незначительная часть полученного в результате исследования материала. Опубликованная книга — лишь первый, но далеко не последний итог международного исследования «Культура». Венский центр и участники работы располагают записанными на магнитную ленту данными эмпирических исследований каждой страны — участники проекта, что дает возможность и для сравнительного анализа⁶. Перспективы подобного продолжения проекта обсуждались на одной из последних встреч участников исследования. Поэтому в будущем вслед за работой, объединяющей серию национальных исследований (настоящий том), можно ожидать появления книги, содержащей серию тематических исследований на основе внутрикультурных данных (сравнительный анализ молодежной субкультуры, образа жизни городской и сельской семьи и т. п.). Возможны и иные способы обработки данных, допускающие сопоставление ответов мужей, жен и детей и тем самым позволяющие извлекать новую информацию и решать новые проблемы. Наконец, вышедшая книга позволит всем заинтересованным странам присоединиться к исследованию, поскольку в ней исчерпывающе полно изложено все необходимое для проведения эмпирического исследования.

Можно с уверенностью сказать, что работа над проектом «Культура» и рецензируемый труд обогатили методологический, теоретический, эмпирический багаж каждого участника исследования. Кроме интересного сравнительного материала обоснованы некоторые существенные выводы о процессе эмансипации женщин, культурной активности членов семьи, соотношении ролей мужа и жены, взаимосвязи и взаимодействии культуры родителей и детей, роли семьи в условиях трансмиссии культуры в эпоху НТР. Таким образом, по существу вскрываются некоторые общие для НТР процессы, по-разному, однако, проявляющиеся на фоне многообразных экологических, исторических и социальных условий разных стран, в разных сферах жизнедеятельности: труде, культуре и быте. Несмотря на происшедшие в эпоху НТР изменения, исследование выявило устойчивость основных функций семьи во всех странах, ее приспособление к условиям НТР. В настоящее время отмечается не только сохранение, но также возрождение родительских функций, создающих важные предпосылки устойчивости семьи. Эти явления, характерные для городского и сельского населения, все же по-разному выражены в поселениях разного типа. Неравномерно они проявляются и в странах, различающихся степенью урбанизации и системой социальных отношений. Исследование показывает, что при форсированном развитии современной культуры появляется разрыв в образовательном уровне родителей и детей, но это не приводит к ослаблению влияния родителей. В современных образованных семьях вновь заметно активизируются социальные и культурные контакты родителей и детей, заметнее проявляются культурные интересы и вкусы.

Вместе с тем в период урбанизации и активизации внесемейных ролей у женщин и мужчин возрастает потребность в близости, все более редкой и потому психологически значимой. В результате семья, выполняя свою социально-культурную миссию, выдерживает испытание научно-технической революцией и продолжает жить, правда, новой жизнью.

В заключение хотелось бы отметить, что трудности работы над проектом «Культура» могли стать непреодолимыми, а появление книги — невозможным, если бы не исключительно доброжелательная атмосфера в авторском коллективе, члены которого постоянно стремились к взаимопониманию и прилагали огромные усилия для его достижения, что проявилось в высоких научных качествах этой интересной и очень актуальной книги.

И. А. Гришаев

⁶ При организации этого банка данных было оговорено, что их использование возможно только с ведома и согласия участников исследования, которыми эти данные получены.

История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза/Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1983. 432 с.

Рецензируемая книга представляет собой первый том подготавливаемого сектором истории первобытного общества Института этнографии АН СССР трехтомника, который должен стать логическим завершением многолетней работы над историей первобытно-